

Отрывок из книги Гирша Ривкина «Так Было»

В день Девятого Ава, установленный для поста и траура в память падения Иерусалима и разрушения Второго храма (а этот день совпал с днём первой мобилизации на мировую войну 1914-го года), Евзеров задумал отслужить поминальную панихиду в память воинов-евреев местечка, погибших на войне.

Вечером в новой синагоге на Школьной площади было торжественно и тихо. Зажжённых свечей было больше, чем в Судный день при молитве «Кол ныдрей». У позолоченного резного амвона в один ряд стояли старшие члены семей погибших. Их было четырнадцать человек. В нарушение обычаев вместе с мужчинами стояли матери и жёны погибших. Все они держали большие жёлтые свечи. Большой Фалэ Новиков высоко держал свечу в память погибшего сына Киве, рядом с ним кудлатый Мотэ Лейтес, отец погибшего Гесла Лейтеса. Лейб Товбин с широкой окладистой бородой и в атласном сюртуке поминутно снимал огарину свечи. Его убитого сына звали Нохем. Матери павших воинов Шифрина Итче-Янкеля, Гуткина Давида и Липкина Шмерла-Михела стояли, покрытые чёрными платками, концами которых вытирали заплаканные глаза. Жена Рувима Новикова Хая – первая, кто получила повестку, что муж её пал смертью храбрых на поле брани, – стояла спокойная. Она своё горе выплакала в течение трёх лет после того, как Рувима забрали, а она осталась беременная, без средств к существованию. Теперь её трёхлетний Янкелэ жмётся к ней и хочет добраться до свечи, язычок пламени которой вьётся из стороны в сторону, как мятущаяся, беспокойная душа человека.

На амвон поднялся Евзеров. Золотые скрижали с Десятью заповедями висели над толпой под широким взмахом позолоченных крыльев странной неведомой птицы. Он взмахнул рукой, и талэс на его прямых плечах раскрылся белым опахалом. Говорил он прерывистым, волнующим голосом. Вся многовековая история многострадального еврейского народа была им изложена в доходчивых и понятных словах на языке родного идыш.

Падение Второго храма и рассеяние наших братьев по всему миру, сжигание евреев на кострах инквизиции в Испании, убийство сотен тысяч евреев гайдамаками Богдана Хмельницкого, бесчинства наполеоновских войск, дело Дрейфуса во Франции в конце 19-го века, погромы в России в 1905-м году и процесс Бейлиса в Киеве в 1912-м году. Как это не помнить, когда обо всех этих событиях передавались сказания, легенды из поколения в поколение.

Старцы ходили из местечка в местечко и тоскливо распевали былины о зверствах и погромах.

«В подвалах мы тихо сидели,
Детишки на наших руках,
Как вдруг палачи налетели,
И кровь полилась на стенах.
О Боже, единый, великий,
Услышь наши крики и стон.
Нельзя нам на улицу выйти.
Погром в Кишенёве, погром».

אין די קעלערס זיינען מיר געזעסן
די קינדער אף אונדזערע הענט
די גאזלאנים זיינען געקומען
און בלוט האט זיך געשפריצט אף די ווענט
א גוטער גאט אין הימל
פארנעם זשע אונדזער געוויין
מיר קען אפן גאס ניט א טראט צו טאן
אין קישעניעוו איז א פאגראם.

Дрожь по телу прошла, когда Евзеров говорил о страданиях, выпавших на долю солдат-сынов нашего местечка. Их преследовали в казармах, били перед строем, унтеры неотступно следили за ними в окопах, их первыми поднимали в атаку.

И мне представился Киве, сын Фалэ Новикова. Высокий сильный парень, он только в прошлом году был призван в армию. Шесть недель учили его солдатскому делу. Перед отправкой в маршевую роту он прислал домой фотографию. Вместе с ним были засняты его одногодки Итче Мусящиков и Абэ Перлин. В коротких мундирчиках и круглых бескозырках они выглядели по-детски смешно. На лице Итче Мусящикова так и застыла щемящая, горькая тоска. Только Киве выглядел бодро. И вижу я, будто Киве первый бросается в атаку и всей силой вонзает штык в тело вражеского солдата, который успел только произнести: «Шма Исроэл» (Слушай, Израиль).

Киве цепенеет: он убил брата-еврея. Окаменелый, с судорожным трепетом на губах: «Шма Исроэл» падает сам, сражённый пулей, может быть, своего же брата еврея.

«За что проливается кровь наших сынов? – спрашивает Евзеров. – За то, что нас презирают, за то, что нас ненавидят? Не нам ли, разрозненным и обиженным, подумать пора о своей родине, о стране наших праотцов?»

В толпе кто-то всхлипывал, кто-то громко вздыхал, а Евзеров продолжал нагнетать, накаливать. Тихие рыдания колыхали головы людей. Поминальной молитвой «Изкор», в которой поименно перечислялись убиенные, Евзеров закончил свою проповедь провозглашением традиционным «Лэшоно габо берушолаим» (В будущем году – в Ерусалиме.)

Вдруг где-то в стороне от амвона раздалось пение. Пели «Гатыкво». Это было ново. Я продырявил толпу и мигом оказался около поющих. Моше-Итче Рысин, огненно-рыжий учитель древнееврейского языка Брич, два сына Бореха Шапиро, один из братьев Якова Попка Нысн, сын Лейбе Товбина и молодые ребята Грейнем Цейтлин, Яков Шапиро, Лейкин Итче и другие. Все они стояли друг возле друга и всеми словами заученно пели «Гатыкво». Меня поразили Итче Лейкин. Сосредоточенный, серьёзный, со стальным блеском больших серых глаз он, казалось, готов был идти на всё, к чему бы Евзеров его ни призвал. Домой я шёл рядом с отцом. Мы оба молчали. Недалеко от дома отец, как бы невзначай, сказал: «Халоймес». «Что халоймес?» – спросил я. «С нашими деньгами не только до Палестины, до станции Починок не добраться», – ответил отец.

«Зачем нам Палестина? – сказал я. – Теперь пойдёт другая жизнь, на свободу и братство». Отец остановился. До дома было совсем близко.

«Свобода, говоришь? Скажи мне, – спросил он вдруг, будто не со мною он до сих пор разговаривал, и замедлил, совсем замедлил шаг. – Скажи мне, ты везде бываешь и всё видишь, почему ни один из них – наших русских соседей-мещан – не ходит ни к Якову, ни к группе Глезера-Пескина и ни к инспектору Михалевичу, ни к кому, кто варится в каше революции, скажи!»

Я пытался назвать хоть одного из русских соседей, кого бы хоть раз видел среди взбудораженных революцией, «Что, – спросил отец, – никого? То-то же! Всё это – халоймес. Русский народ к холопству приучен, его надо учить свободу любить». Мне было грустно.